

Лю Хоудэ улыбнулся:

— Получив ваше указание, ваш слуга уже набросал несколько пунктов. Если госпожа не сочтёт за труд, может взглянуть.

С этими словами он достал два свитка. Фэн Шилян принял их из его рук и подал мне за занавесь. Один касался подготовки к приёму императора и был составлен на основе старых записей о визитах отца к членам императорского клана — очень подробно. Другой содержал две новые песни-напоминания. Первая, в двадцати четырёх строках, в общих чертах описывала обязанности в доме, разделяя их на категории: амбары и хранилища, наказания и награды, приём гостей, свита, служанки, слуги, деревенские старосты, поля, ворота и так далее — по одной-две строки на каждую. Вторая, в двенадцати строках, излагала правила дома принцессы: не воровать, не проявлять непочтительности и тому подобное — общие положения, почти не отличающиеся от тех, что были у меня во дворце. Оба текста были написаны простонародным языком, в рифму, чтобы легко запоминались.

Отец и раньше часто посещал дома родичей и сановников, даже брал с собой матушку в родовое поместье в округе Бин, где представлял её родичам из семей У и Ян. Как единственная дочь матушки, я и сама ожидала подобной чести. То, что Лю Хоудэ, уже некоторое время будучи моим управляющим, заранее подготовил такой свиток на всякий случай, лишь говорило о его усердии и не было чем-то из ряда вон. Поразительно другое: он сумел за полдня сочинить две песни. Оставим в стороне литературные достоинства — одно лишь умение быстро схватывать суть дела заставило меня взглянуть на него по-новому.

Со смешанными чувствами я взглянула на него, помолчала, а затем сказала:

— Помимо этого, необходимо назначить инспекторов. Если в доме обнаружатся те, кто ведёт себя неподобающе, берёт взятки, обманывает вышестоящих или притесняет других, их надо немедленно выявлять и докладывать мне. Сами должностные лица также должны находиться под их надзором. Это во-первых. Во-вторых, управляющие главным амбаром, главные по снабжению и главные по учёту должны быть разными людьми. Следует ввести опознавательные бирки, по которым будут выдаваться ресурсы и даваться поручения. Одна бирка — на одну вещь, одна бирка — на одно дело, всё должно быть чётко. В-третьих, песню о домашних правилах нужно сделать подробнее, включив туда и меры поощрения, и наказания, чтобы все знали, что их ждёт. Особенно важно запретить болтовню и сплетни, обсуждение дел других семей, использование моего имени для притеснений. Гостей, приходящих к воротам, следует принимать вежливо, нельзя встречать их неприветливо. Если в области, уезде или квартале происходят события, о них следует вежливо расспрашивать и ясно докладывать мне. Ни единого слова лжи.

Пока я говорила первые пункты, Лю Хоудэ уже начал проявлять лёгкое удивление. Выслушав же всё до конца, он и вовсе сделался серьёзен, поправил одежду и почтительно поклонился:

— Госпожа управляет делами с поразительной мудростью. Ваш слуга искренне восхищён.

Я знала, что в этих словах правды от силы половина. Косо взглянув на него, я вдруг улыбнулась:

— Лю, а показывал ли ты эти песни госпоже Сун и почтенному Фэну?

Фэн Шилян, услышав, что я назвала его «почтенным», испуганно взглянул на меня. Я встретила его взгляд, и он тут же опустил голову, сложив руки и съёжившись в стороне. За занавесью Лю Хоудэ на мгновение замешкался:

— Нет.

Я передала свитки Фэн Шилян и, оскалив зубы в улыбке Лю Хоудэ, сказала:

— Сегодня утром я велела вам обсудить это сообща, а ты в одиночку уже составил правила. Хотя это и говорит о твоей расторопности, но может показаться самоуправством. Всё-таки покажи эти свитки им, и если никто не будет возражать, пусть подпишут, а затем представь мне.

У матушки рядом были Туаньэр, Гао Яньфу, Ваньэр и другие, соперничавшие за милость, поэтому, получая приказ, все старались изо всех сил, выискивая способы отличиться перед ней. Теперь, когда у меня появился собственный дом, я могла последовать её примеру, чтобы эти люди не сочли меня молодой и неопытной и не стали мною помыкать. Когда Чжэн Бо строил загородный дворец, в подчинении у него были десятки тысяч человек, и мы с ним наедине обсуждали, как со всем справиться. Если сейчас я не смогу управиться даже с этим небольшим домом принцессы, будет просто стыдно.

К тому же, порядок в доме касался не только моего богатства и репутации, но и моих тайных отношений с А-Хуань.

При мысли о ней на меня вновь накатила тоска. Не знаю, как она там во дворце, плачет ли Шоули? Богатства и почёта А-Хуань сейчас не лишена, и пренебрежения к себе не терпит, но положение её крайне двусмысленно. По статусу она — единственная невестка матушки, старшая невестка Ли Даня, и её ранг и место выше наших. Матушка даровала ей содержание, равное супруге циньвана, поэтому в церемониальной очереди она стоит впереди нас. Но в реальности она далеко уступает жёнам У Шэньсы, У Цзайсы, У Саньсы и У Чэнсы, а возможно, даже не сравнится с некоторыми нашими кузинами из рода У. К тому же она — супруга низложенного императора, чей муж теперь всего лишь сосланный ван, а сама она лишь «ненастоящая супруга циньвана», без поддержки ни отцовского, ни материнского рода. Подлинное положение: имя почётно, а суть низка. Этот статус не только не приносит ей никакой выгоды, но, напротив, сковывает её почётным именем, лишая той свободы, что есть у обычных людей. Наши с ней отношения, случись они в другой семье, стали бы лишь предметом пересудов, но для нас с ней грозят опасностью для жизни. А мы уже зашли так далеко, что кроме как идти вперёд рука об руку, другого пути назад не осталось.

Должно быть, в этот момент моё лицо стало мрачным, потому что Фэн Шилян уже вжал голову в плечи, почти сгорбившись. Лю Хоудэ же оставался невозмутим, тихо ожидая за занавесью. Встретившись со мной взглядом, он торжественно склонился, сложил руки в приветствии и сказал:

— С почтением принимаю ваши указания.

Подумав, добавил:

— Если обязанности определены, следует назначить людей. Должность инспектора важна, прошу поручить её тому, кому госпожа доверяет и кого ценит, желательно постарше возрастом и с опытом службы во дворце.

Я заметила, как Фэн Шилян дёрнулся и украдкой попытался взглянуть на моё лицо. Обнаружив, что я смотрю на него, он поспешно согнулся ещё ниже, сложив руки на коленях и выказав ещё больше почтительности. Я равнодушно промолвила:

— Должность инспектора полностью вверяется госпоже Сун Фою. Приход и расход денег и

имущества — внутренний и внешний — поручить разным людям. Обсудите это между собой, а затем я утвержу. По нечётным числам, в час Ю, если не будет других дел, я буду в кабинете. Все в доме, независимо от положения, могут в это время войти и высказаться. Никто не имеет права препятствовать. Если есть дело, требующее доклада, но войти неудобно, можно оставить письменное сообщение в медном ящике у кабинета. Открыть медный ящик могу только я. С сегодняшнего дня всем в моём доме, независимо от положения, выдавать одежду и продовольствие в двойном размере. Шелководство, земледелию — работать с часа Чэнь до часа Ю, обеспечивать завтраком, обедом и ужином за мой счёт. Слуги и работники — смена каждые четыре часа, не допускать изнурительного труда день и ночь напролёт. Всем предоставлять один выходной в месяц, в праздники — отдыхать по очереди.

Тут уж Лю Хоудэ по-настоящему изумился. Но не от восхищения, а скорее так, словно я делаю лишнее. Я понимала, о чём он думал: принцесса не может учреждать свои управы и вмешиваться в государственные дела, в её доме всего-то тысяча-другая людей. Даже если она отнимет земли, будет торговать титулами или убьёт какого-нибудь простолюдина, захватит водяные мельницы — куда бы ни пожаловались, это не сочтут серьёзным преступлением. Очевидно, можно ожидать всю жизнь покоя и роскоши, к чему же так усердствовать и так остерегаться?

Даже Фэн Шилян не выдержал и снова украдкой взглянул на меня, словно хотел что-то сказать, но не посмел.

Лишь я одна знала: тот покой и та роскошь, которых я жаждала, были, пожалуй, ещё труднодостижимее, чем смута и потрясения в глазах иных. Путь впереди тернист, нельзя ошибиться ни на шаг.

Я беззвучно вздохнула, взяла персидский финик, подаренный А-Хуань, и бросила в рот. Небрежно бросила:

— Объяви всем в доме: это резиденция принцессы, и госпожа здесь — я. Если я сияю — вы блистаете, если я падаю — вы в пыли. Жизнь — это я, смерть — это я, слава — это я, позор — это я. Кто предаст господина — будет сурово наказан. В моём доме я — высший закон.

Лю Хоудэ, поняв мою позицию, тут же выдвинул множество предложений. Некоторые из них и впрямь поразили меня, человека из другого времени. Например: поместья и слуг при резиденции принцессы разделить на группы по три-семь семей, выбрать в каждой грамотного старшину, ответственного за заучивание песен-напоминаний этими семьями. Те, кто выучит первыми, получают награду, а те, кто не уложится в срок, будут оштрафованы на часть оброка или жалованья. Эти песни не только должны быть известны всем, но и вывешены повсюду в доме, чтобы в случае неясности можно было свериться. Не только выдача, учёт и хранение должны быть разделены, но и ежегодно следует соразмерно направлять людей для проверки фактического наличия, сверки количества и качества, составления описей по категориям. При этом старые учётные книги за последние десять лет должны храниться для возможных проверок. Раз установлены рабочие часы и ежемесячные выходные, то в каждой группе следует вести список, записывать имена всех в таблицу, сверять количество отработанных смен в месяц, а если будут замены и тому подобное — тоже фиксировать для проверок. В доме и в поместьях в нескольких местах установить водяные часы. Перед началом смены являться к ближайшим часам и ставить отпечаток руки, опоздавших отстранять. Кто не поставил отпечаток — считается не вышедшим в этот день. То же и по окончании смены... И так далее, и тому подобное. Всё это дало мне понять, насколько он умен и способен, после чего он откланялся.

<http://bllate.org/book/16278/1467144>